

ствам молодых людей, а также жизненного сценария Катона Утического сыграли здесь не самую главную роль. Вполне возможно, что определяющим было нежелание поступать на службу и, по сути, отказываться от самостоятельного развития своей личности, полностью подчинить свои интересы требования общества.

Список литературы

- Еремин В. Н. Тайны смерти русских писателей. М. : Вече, 2011.
- Жирмунский В. М. Российский Вертер // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л. : Изд-во АН СССР, 1934. С. 547–566.
- Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма / Сост. В. И. Коровина. М.: Современник, 1990.
- Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. М. : В/О Союзтеатр, Главная редакция театральной литературы, 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).
- Сентиментальная повесть / Сост. П. А. Орлова. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Фраанье М. Г. Прощальные письма М. В. Сушкова (О проблеме самоубийства в русской культуре конца XVIII века) // XVIII век. Сборник 19. М. : Наука, 1995. С. 147–167.

УДК 94(47).084

М. В. Попов, М. В. Суворов

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ ЧИНОВНИКОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1930-х гг.

Открытие для исследователей фондов Государственного архива административных органов Свердловской области позволило историкам на основе следственных дел незаконно репрессированных в конце 1930-х гг. расширить источниковую базу для написания своих трудов. Однако информация, полученная из материалов сталинских следователей не является в значительной степени достоверной в силу уже доказанной сфальсифицированности обвинений подследственных. Поэтому для выявления истинной картины происходивших на Урале событий, роли в них чиновников регионального масштаба, изучения судеб руководителей областных ведомств большое значение имеют ставшие доступными личные дела коммунистов, хранящиеся в фондах ЦДООСО.

В данной публикации, как весьма типичные для изучения репрессий в отношении партийно-советских чиновников на Урале в конце 1930-х гг. представлены подготовленные партийными функционерами личные дела начальника Свердловского областного управления связи И. М. Щербака и заведующего Свердловским областным отделом народного образования И. А. Переля.

Ключевые слова: кадровая политика советского государства в 1930-е гг., репрессии против советских чиновников, личные дела руководителей региональных ведомств на Урале, ЦДООСО, исторический источник, судьба и партийная реабилитация жертв сталинских репрессий в партийных документах.

Партийное расследование дела И. М. Щербака проходило в 1936 – 1937 гг. и было связано с обвинениями в сокрытии своего социального происхождения во время партчисток и обмена партийных документов, а также в

обвинении во «вредительской деятельности», изложенных в публикациях газеты «Уральский рабочий» в 1937 г.

Искажение информации о своем социальном происхождении для коммуниста в советский период истории было серьёзным партийным проступком. Дело в том, что выходцы из рабоче-крестьянской среды пользовались гораздо большим доверием партийно-советского руководства и это могло стать основой для успешной чиновничьей карьеры в советском государственном аппарате. В свою очередь, выходцы из социально «чуждых» слоёв общества считались потенциальными врагами партии. Когда во время обмена партийных документов в 1936 г. стало известно о том, что И. М. Щербак скрывал информацию, что его отец с 1908 г. по февраль 1917 г. служил в полиции жандармом на железнодорожной станции, было назначено партийное расследование этого факта, которое и нашло отражение в личном деле начальника Управления связи Свердловской области

Из сохранившегося в деле письма И. М. Щербака секретарю Свердловского обкома ВКП(б) М. В. Кузнецову от 23 июля 1936 г. явствует, что Щербак по собственной инициативе, поскольку его «постоянно мучила совесть», решил сказать партии правду, «пусть это будет поздно» [ЦДООСО, ф. 1448, оп. 1, д. 707, л. 24]. Однако, как показывают другие документы, хранящиеся в деле, в течение всего срока пребывания в рядах ВКП(б) (с 1919 г.) во всех листках по учёту кадров, автобиографиях, материалах партийных чисток И. М. Щербак писал, что его родители – крестьяне, а по социальному положению он – рабочий. Скорее всего, Иван Максимович узнал, что информация о его отце стала известной среди сослуживцев начальника Управления связи и, опасаясь её обнародования, Щербак сам заявил об отце-жандарме, оправдываясь тем, что он с тринадцатилетнего возраста никаких связей со своим родителем не поддерживал.

19 июля 1936 г. за сокрытие социального происхождения бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска исключило И. М. Щербака из партии [ЦДООСО, ф. 1448, оп. 1, д. 707, л. 32]. В тоже время, как следует из личного дела, в ходе работы в почтово-телеграфном ведомстве Щербак прошел путь от простого телеграфиста до начальника областного управления связи и при этом всегда выполнял установки высшего партийного руководства и непосредственных начальников. 2 августа 1936 г. в характеристике, подписанной секретарём первичной партийной организации Управления связи отмечается, что «в партийной организации Щербак являлся одним из наиболее дисциплинированных, исполнительных и настойчивых коммунистов...», что он «проявляет большевистскую прямоту и нетерпимость ко всем отклонениям от линии партии...» [ЦДООСО, ф. 1448, оп. 1, д. 707, л. 27].

3 августа 1936 г. бюро Свердловского обкома партии постановило, что «т. Щербак за сокрытие своего социального происхождения заслуживает ис-

ключения из рядов ВКП(б), принимая во внимание, что находясь в партийных рядах с 1919 г. он не имел ни одного нарушения и поручаемую ему работу выполнял добросовестно, а также учитывая раскаяние в содеянном, решение бюро Ленинского райкома отменить, т. Щербак в партии восстановить» [ЦДОСО, ф. 1448, оп. 1, д. 707, л. 32]. Местных партийных чиновников вполне устраивала деятельность Ивана Максимовича на занимаемой им должности и, казалось бы, поводов для продолжения обвинений не существовало.

Толчком для усиления репрессий явились установки февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.) об обострении классовой борьбы в условиях социалистического строительства. Весной 1937 г. объектом критики становятся недостатки в управленческой деятельности И. М. Щербака на занимаемой им должности, вплоть до обвинений во «вредительстве» и притуплении классовой бдительности. 27 марта 1937 г. в газете «Уральский рабочий» была опубликована статья «Как они вредят». В ней указывалось на то, что стремясь скрыть перерасход фонда заработной платы телеграфистов, начальник Свердловского Управления связи сократил время работы телеграфов в десяти районах области. По мнению автора статьи это было сделано намеренно, «выполнение директив Щербака грозило тяжёлыми последствиями, разгоном кадров телеграфистов в районах, срывали оперативное руководство районами в такой ответственный момент, как уборочная и хлебозаготовки, подготовка к VIII Чрезвычайному съезду Советов СССР» [Как они вредят, 1937]. 4 апреля 1937 г. в качестве откликов на статью от 27 марта в «Уральском рабочем» недостатки в работе Свердловского управления связи уже прямо объяснялись происками «вредителей» и «врагов народа», которым попустительствовал глава областного ведомства, давая некоторым из них положительные характеристики. «Аппарат связи должен быть очищен», – таким был заголовок публикации [Аппарат связи должен быть очищен, 1937]. Факты «засорённости» аппарата Управления связи, изложенные в материалах газет, были признаны обоснованными в первичной партийной организации, и решением партсобрания 16 марта 1937 г. И. М. Щербак был исключён из партии [ЦДОСО, ф. 4, оп. 2, д. 3630, л. 26].

По выступлениям прессы было назначено партийное расследование, материалы которого нашли отражение в ещё одном личном деле начальника Управления связи Свердловской области. Документы, собранные здесь, убедительно свидетельствуют о том, что И. М. Щербак, занимая различные должности в почтово-телеграфном ведомстве, scrupulously выполнял установки партийно-советского руководства о необходимости «классового подхода» к решению политических и производственных проблем, о выявлении врагов партии и советской власти. Так, анализируя работу стройтреста областного Управления связи (тогда Щербак занимал пост директора этого

предприятия) весной 1933 г., Иван Максимович объяснял срыв плана перевозок и высокую задолженность по зарплате тем, что «аппарат треста и периферия по отдельным участкам на 70% засорён классовыми врагами и требует обновления». Своей главной задачей Щербак считал беспощадную борьбу за кадровое «оздоровление» треста [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 3630, л. 73]. В письме секретарю Свердловского обкома ВКП(б) М. В. Кузнецову 20 марта 1937 г. он перечисляет 32 фамилии якобы разоблачённых им «троцкистов», «вредителей», «шпионов», «воров» в ведомстве, которое Щербак возглавлял [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 3630, л. 38 –39].

В этой ситуации местные партийно-советские чиновники посчитали, что решение первичной партийной организации об исключении Ивана Максимовича из ВКП(б) не обосновано. Заведующий Совторготделом Свердловского обкома партии В. Козубевский предложил первому секретарю И. Д. Кабакову ограничиться выговором Щербаку и, отстранив от должности, направить его в распоряжение Народного комиссариата связи [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 3630, л. 24]. Однако весной 1937 г. само «кабаковское» руководство Свердловской области было репрессировано органами НКВД, в том числе 12 апреля был арестован И. М. Щербак. Материалы следственного дела свидетельствуют о незаконности ведения следствия и надуманности сфабрикованных обвинений в адрес приговорённого к расстрелу Щербака как якобы участника анти-советской организации [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 2146 - 2391].

Поэтому 29 сентября 1956 г. Военной коллегией Верховного суда СССР его дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. 29 января 1957 г. по заявлению дочери бывшего начальника областного управления связи Галины Ивановны о реабилитации её отца, бюро Свердловского обкома КПСС приняло постановление отменить своё решение от 27 апреля 1937 г. об исключении И. М. Щербака из партии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 57, д. 20, л. 31–32].

Личное дело И. А. Переля задокументировавшее результаты партийного расследования проводившегося во второй половине 1930-х гг. в ЦДООСО к сожалению обнаружить не удалось. Однако в октябре 1955 г. его вдова обратилась с заявлением к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву и секретарю Свердловского обкома КПСС П. Н. Исаеву, в котором просила «оказать содействие в ускорении пересмотра дела (восстановление в партии – *авторы*) И. А. Перель, бывшего зав. УРАЛОНО, всей своей жизнью заслужившего внимания партийных организаций Свердловской области» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 27]. В заявлении имеется указание на то, что якобы Перель был осуждён к заключению в лагерях и умер в тюрьме. Этот факт явно расходится со следственным делом заведующего Свердловским обкомом, указывающим на то, что Идель Абрамович был приговорён к расстрелу и приговор был приведён к исполнению [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 19268 т-1.

Л. 90]. Видимо, этот документ подтолкнул партийных чиновников Свердловского обкома КПСС к изучению судьбы И. А. Переля, но только в мае 1956 г. начинается официальное партийное расследование, материалы которого отложились в четвертом фонде ЦДООСО в деле под заголовком «Перель Идель Абрамович» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030]. По-нашему мнению, этот документ в значительной мере позволяет дополнить картину происходивших на Урале событий в годы большого террора. Во многом, изучение материалов расследования деятельности коммуниста И. А. Переля, проведённого партийными чиновниками, позволяет нам расширить источниковую базу исследования репрессивной политики советской власти на Урале т. к. материалы уголовного дела Иделя Абрамовича, хранящиеся в ГААОСО доказанно сфальсифицированы сталинскими следователями.

В деле И. А. Переля есть заключение военной прокуратуры Уральского военного округа от 12 января 1956 г., составленное помощником военного прокурора Уральского военного округа по делам спецподсудности капитаном юстиции Баркановым, который «рассмотрел архивно-следственное дело № 958602 И. А. Перель, жалобы жены осужденного и материалы дополнительной проверки, произведённой в порядке ст. 373 УПК РСФСР, и пришёл к выводу, что Перель осужден необоснованно, дело на него было сфальсифицировано бывшими работниками НКВД Свердловской области. Как установлено проверкой, обвинение Перель в проведении подрывной работы в системе народного образования было искусственно создано» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 14]. В частности, в документе отмечается, что имевшиеся в учреждениях народного образования недостатки и упущения, органы НКВД без всяких оснований квалифицировали, как вредительство со стороны Переля и других лиц. Некоторые факты, вменённые в обвинение Перелю, вообще не имели место в действительности и являются вымыслом.

Перель, как участник контрреволюционной организации «правых» на Урале, называется в показаниях А. Я. Голышева, И. Д. Кабакова, П. Т. Зубарева, С. Г. Чухновского, С. И. Кузнецова, М. Ф. Коссова, Хороша, Я. Н. Иванченко, Рудометова – чиновников, которые были незаконно обвинены в антисоветской деятельности.

Подлинность показаний поименованных лиц, а также признательных показаний Переля, от которых он в суде фактически отказался, вызывает большое сомнение, так как в одних из них Перель, как участник контрреволюционной организации, указывается в списочном порядке и ничего не говорится о его практической подрывной деятельности, а в других имеются грубые противоречия по вопросу вовлечения Переля в контрреволюционную организацию и по другим вопросам.

В связи с этим на показаниях указанных лиц не может быть основано обвинение Переля. Так, в показаниях Переля, Голышева и Хороша указывается, что Перель в контрреволюционную организацию был вовлечён Голышевым.

В показаниях Чудновского и Зубарева говорится, что Перель в антисоветскую организацию был вовлечён Чудновским.

В показаниях же Коссова указывается, что на строительство школ и детучреждений в контрреволюционных целях было перерасходовано 3 млн. рублей. В действительности, как видно из письма Свердловского облфинотдела от 22 ноября 1955 г., в 1936 г. было ассигновано: на содержание детских учреждений – 27 367 руб., на новое школьное строительство 25 332 руб. Израсходовано соответственно 24 263 руб. и 27 938 руб.

В задокументированных показаниях Переля также указано, что якобы в Свердловской государственной библиотеке имени В. Г. Белинского был уничтожен старый каталог книг, в результате чего на несколько месяцев были «заморожены десятки тысяч книг». Подрывная работа проводилась путём снижения успеваемости учащихся. В третьей четверти 1936/37 учебного года 25% учащихся были неуспевающими, т.е. имели по одной и более плохих оценок. Было сорвано выполнение закона об обязательном начальном обучении. Не обучалось в школах 18 тыс. детей школьного возраста.

Однако все эти факты также не соответствуют действительности. Из письма директора Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского видно, что каталоги книг в библиотеке не уничтожались, а переставлялись по приказу Наркомпроса РСФСР. Во время проведения реорганизации каталогов, читатели книгами пользовались и никакого «замораживания» книг не имело места.

А. Н. Сухов, бывший первый заместитель зав. Облоно (у Переля – *авторы*), на момент реабилитации – заведующий Свердловским ОблОНО, на допросе 19 декабря 1955 г. показал, что в бытность Перель зав. ОблОНО практическое руководство работой ОблОНО осуществлялось им – Суховым и никакой вредительской деятельности в системе народного образования не было, в том числе и со стороны Переля [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 16].

Наличие в 1937 г. 25% неуспевающих учащихся и не охват школами 18 тыс. детей не являлись результатом вредительской деятельности Переля или кого либо. Это были обычные недостатки в работе ОблОНО, обусловленные объективными причинами и определёнными условиями. Сухов считал, что Перель был честным человеком [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 16].

Допрошенные в процессе служащие ОблОНО, работавшие вместе с Перелем, положительно его характеризуют и заявили, что в деятельности Переля по руководству народным образованием никаких антисоветских вредительских проявлений не было и после его ареста также не было выявлено ни одного факта, свидетельствующего о проведении Перелем подрывной работы.

Следствие по делам Переля, Голышева, Хороша, Кузнецова, Коссова и других велось бывшими работниками УНКВД Свердловской области Ревинным и Шаховым, которые в последствии были приговорены к высшей мере

наказания – расстрелу, за фальсификацию уголовных дел [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 17]. Вызывает удивление, что доказательство фальсификации дела вплоть до смерти И. Сталина не являлось основанием для реабилитации обвиняемых, в т.ч. Переля, и восстановления их в партии. Из копий протоколов допроса бывшего работника УНКВД СО Н. А. Костина видно, что показания Коссова, Хороша и других являются ложными т. к. они получены Ревиновым «путём применения незаконных методов следствия» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 17].

Таким образом, следует считать, что И. А. Перель осуждён безвинно, по сфальсифицированным материалам [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 16–18] 21 апреля 1956 года Военной коллегией Верховного суда СССР его уголовное дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 1]. В ходе расследования, проведённого партийными функционерами, 9 мая 1956 г. было установлено, что «Персонального дела и материалов о его (Переля – *авторы*) оппозиции и участия в антипартийных группировках на Урале не выявлено» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 5]. Свердловский обком КПСС 21 июня 1956 г. в связи с реабилитацией И. А. Переля восстановил его в рядах членов КПСС посмертно [ЦДООСО, ф. 4, оп. 63, д. 2030, л. 1].

Материалы партийных расследований, хранящиеся в личных делах коммунистов, ставших жертвами сталинских репрессий во второй половине 1930-х гг. показывают, что поводом для обвинений советских чиновников в тот период были недостатки в их профессиональной деятельности, которые зачастую были либо надуманными, либо их легко можно было объяснить объективными трудностями при решении проблем. В этом смысле не могло быть и речи о враждебности и вредительстве со стороны подвергшихся репрессиям. Документы 1930-х гг. свидетельствуют, что это понимали и руководители Уральского обкома ВКП(б). Однако каток репрессий 1937 – 1938 гг. охватил всё региональное руководство и по существу вздорные обвинения стали материалами для сфальсифицированных судебных процессов. Это подтверждают и партийные документы личных дел реабилитированных руководителей ведомств уже в послесталинский период. В то же время, если в 1930-е гг. «классовая борьба» при решении проблем и беспрекословное выполнение указаний высшего партийно-советского руководства со стороны чиновников были главными критериями оценки их деятельности и преданности «делу партии», то в делах реабилитированных в 1950-е гг. речь идёт уже о юридической и нравственной ответственности за необоснованные репрессии против тех, кто честно трудился и уверенно руководил вверенным ему ведомством.

Список литературы

- Аппарат связи должен быть очищен // Уральский рабочий. 1937. 4 апреля.
Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1: Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области.
Как они вредят // Уральский рабочий. 1937. 27 марта.
Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4: Уральский (Свердловский) Областной комитет партии.
ЦДООСО. Ф. 1448. Свердловская городская контрольная комиссия ВКП(б).

УДК 94(47).084.8

А. В. Сперанский

КУЛЬТУРА УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ

В статье подчеркивается значимость уровня культуры народа, борющегося за независимость своей страны. Отмечается, что имевшийся в годы Великой Отечественной войны духовный потенциал советского общества во многом способствовал мобилизации всех его сил и средств для достижения победы. Предлагается всесторонне изучать исторический опыт культурной политики, проводимой властными органами в экстремальных условиях военного лихолетья для использования его лучших образцов в современном реформировании России. Анализируется источниковая база исследовательской деятельности по этой проблематике. Делается вывод, что несмотря на имеющиеся недостатки, она обладает достаточным объемом содержательной информации для углубления и расширения имеющихся исторических знаний.

Ключевые слова: Урал, Великая Отечественная война, культура, источниковая база, опубликованный источник, архивный документ, сборник документов, архивный фонд, периодика, мемуары

Бессмертный подвиг народа, победившего фашизм нуждается в постоянном научном изучении с целью расширения объема исторических знаний, патриотического воспитания новых поколений, извлечения уроков из прошлого. В этой связи особую актуальность приобретает исследование процесса культурного развития советского общества в годину суровых испытаний, ибо именно он способствовал осмыслению происходящего, определял единство целей, задач, чувств нашего народа, обуславливал его сознательное участие в борьбе с агрессором [Сперанский А. В., с. 3]. Интерес к теме продиктован и тем, что духовный потенциал региона за период войны значительно увеличился и этот удивительный для военного времени феномен требует глубокого изучения и исчерпывающего объяснения [Корнилов, с. 108].

Основу исторического анализа процесса культурного развития Урала в период войны составляют опубликованные и неопубликованные источники. По признаку целевого назначения и обстоятельств появления они подразделяются на: программные, нормативно-директивные, делопроизводственные, учетно-статистические и лично-индивидуальные.